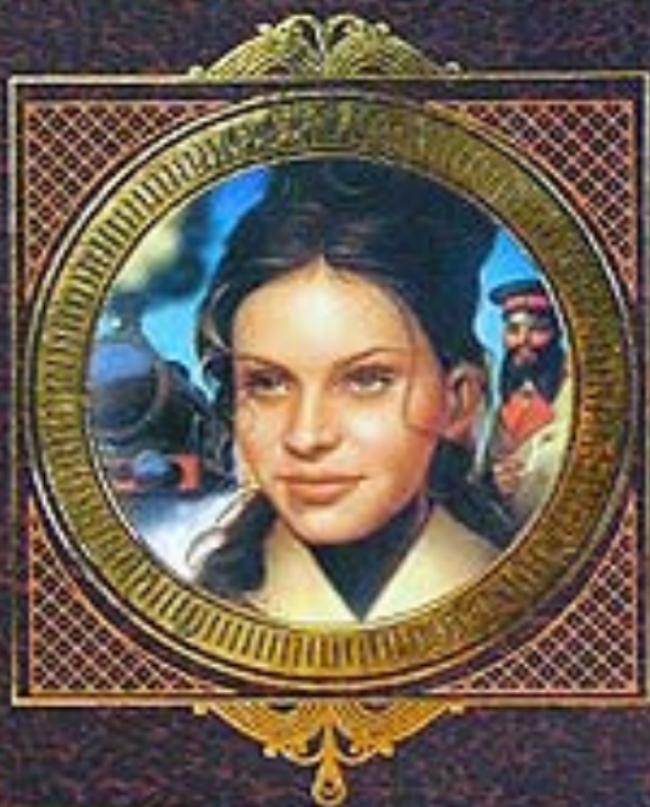

РУССКАЯ КЛАССИКА

Иван

БУШИН

Леткое дыхание

Легкое дыхание // Эксмо, М., 2001

ISBN: 5-04-001797-9

FB2: "shum29", 23.11.2008, version 1.1

UUID: e6266a4a-0aae-102c-96f3-af3a14b75ca4

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Алексеевич Бунин

Святые горы
(Легкое дыхание)

Содержание

#1	0005
Комментарии	0017

Иван Алексеевич Бунин
СВЯТЫЕ ГОРЫ

Путь к Донцу, к древнему монастырю на Святых Горах, пролегает на юго-восток, на Азовские степи.

Ранним утром Великой субботы я был уже под Славянском. Но до Святых Гор оставалось еще верст двадцать, и нужно было идти поспешно. Этот день мне хотелось провести в обители.

Преодо мной серело пустынное поле. Один сторожевой курган стоял вдалеке и, казалось, зорко глядел на равнины. С утра в степи было по-весеннему холодно и ветрено; ветер просушивал колеи грязной дороги и шуршал прошлогодним бурьяном. Но за мной, на западе, картинно рисовалась на горизонте гряда меловых гор. Темнея пятнами лесов, как старинное, тусклое серебро чернью, она тонула в утреннем тумане. Ветер дул мне навстречу, холодил лицо, рукава, степь увлекала, завладевала душой, наполняла ее чувством радости, свежести.

За курганом блеснула круглая ложбина, налитая весенней водой. Я свернул к ней на отдых. Есть что-то чистое и веселое в этих по-

левых апрельских болотцах; над ними вьются звонкоголосые чибисы, серенькие трясогузки щеголевато и легко перебегают по их бережкам и оставляют на иле свои тонкие, звездообразные следы, а в мелкой, прозрачной воде их отражается ясная лазурь и белые облака весеннего неба. Курган был дикий, еще ни разу не тронутый плугом. Он расплылся на два холма и, словно поблекшей скатертью из мутно-зеленого бархата, был покрыт прошлогодней травой. Седой ковыль тихо покачивался на его склонах — жалкие остатки ковыля. «Время его, — подумал я, — навсегда проходит; в вековом забытии он только смутно вспоминает теперь далекое былое, прежние степи и прежних людей, души которых были роднее и ближе ему, лучше нас умели понимать его шепот, полный от века задумчивости пустыни, так много говорящей без слов о ничтожестве земного существования».

Отдыхая, я долго лежал на кургане. С полей уже тянуло теплом. Облака светлели, таяли. Жаворонки, невидимые в воздухе, напоенном парами и светом, заливались над степью

безотчетно-радостными трелями. Ветер стал ласковый, мягкий. Солнце согревало меня, и я закрывал глаза, чувствуя себя бесконечно счастливым. В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донце, на Малом Танаисе, воспетом «Словом», — это была моя давнишняя мечта. Донец видел Игоря, — может быть, видел Игоря и Святогорский монастырь. Сколько раз разрушался он до основания и пустыли его разбитые стены! Сколько претерпел он, стоя на татарских путях, в диких степных равнинах, когда иноки его были еще воинами, когда они переживали долгие осады от полчищ диких орд и воровских людей!

Скрип телеги, на которой сидел старик, свесив с грядки ноги в допотопных сапогах, и сопение волов, которые, покачиваясь и вытягивая шеи, придавленные тяжелым ярмом, медленно тащились по дороге, разогнали мои думы. Я зашагал еще поспешнее.

Полоса леса серовато чернела вдали. Я не сводил с нее глаз, думая, что за лесом-то и откроется долина Донца и Горы. Лес оказался

очень старым, заглохшим. Меня поразила его безжизненная тишина, его корявые, иссохшие дебри. Замедляя шаги, я с трудом пробирався по хворосту и бурелому, который гнил в грязи глубоких рытвин дороги. Ни одной птицы не слышно было в чащах. Иногда дорогу затопляло целое болото весенней воды. Сухие деревья сквозили кругом; их кривые сучья бросали слабые, бледные тени.

Скоро, однако, в пролете лесной дороги снова проглянула просторная, вольная даль. Сухой степной ветер все усиливался, разгоняя в ярком весеннем небе белые облака, делая даль бесконечной. Монастыря же все не было.

Хохол, к которому я подходил с расспросами о дороге, рослый мужик с маленькой головой, одетый в короткую, словно из осинової коры сшитую, свитку, не спеша шел за плугом. Плуг тащили четыре вола, а волов вела девочка.

— Тату! — сказала она мужику, обращая его внимание на меня.

Он остановился.

— Эта дорога на Святые Горы? — спросил я.

— А куды вам треба?

— В монастирь.

— Якій монастирь?

— Да вы разве никогда не были на Святых
Горах?

— В якономії?

— Да не в економии, а в самом монастире,
в церкви.

— У церкві? Та у нас своя церква на селі.

— А в монастире?

— Та був, ще хлопцем. Тоді чума на скот
була, так казали, що там пробував такий мо-
нах, що знав замовляти. От і ходили усі, у кого
скотина боліла; звісно, молебствіє служили і в
село привозили того інока. Ну, походив він по
дворах, покропив водою, а про те нічого не
помоглось.

— Так это дорога туда?

— Эге ж...

И хохол, даже не взглянув на меня, снова
спокойно пошел за плугом.

Я уже чувствовал усталость. Ноги ныли в
пыльных, горячих сапогах. И я принялся счита-
ть шаги, и занятие это так увлекло меня,
что я очнулся только тогда, когда дорога кру-
то завернула влево и вдруг ослепила резкой

белизной мела. Вдалеке, налево, на самом горизонте, над чащей леса, сверкал золотой звездой купол церкви. Но я едва взглянул туда. Передо мной, в огромной, глубокой долине, открылся Донец.

Долго простоял я неподвижно, глядя на мутную синеву этих привольных лугов. Все они были затоплены водой, — Донец был в разливе. Стальные полосы реки сверкали в чащах коричневых камышей и залитых половодьем прибрежных лесов, а к югу разливались еще шире, совсем уже смутные у подножья далеких меловых гор. И горы эти белели так смутно-смутно... Потом я обгонял идущий на богомолье народ — женщин, подростков, дряхлых калек с выцветшими от времени и степных ветров глазами, и все думал о старине, о той чудной власти, которая дана прошлому... Откуда она и что она значит?

Между тем монастырь все еще не показывался. Небо потускнело, ветер начал пылить по дороге, и в степи стало скучно. Донец скрылся за холмами. Я попросил проезжего хлопца подвезти меня, и он посадил меня в свою тележку на двух колесах. Мы разговари-

лись, и я не заметил, как мы въехали в лес и стали спускаться под гору.

Все круче, отвеснее становилась горная дорога, каменистая, узкая, живописная. Мы спускались все ниже и ниже, а столетние красноватые стволы мачтовых сосен, гордо выделяясь среди разнообразной лесной заросли, мощно вцепившись корнями в каменистые берега дороги, плавно подымались все выше и выше, возносились зелеными кронами к голубому небу. Небо над нами казалось еще глубже и невиннее, и чистая, как это небо, радость наполняла душу. А внизу, сквозь зеленую чащу леса, между соснами, вдруг проглянула глубокая и, как показалось, тесная долина, золотые кресты, купола и белые стены домов у подошвы лесистой горы — все скученное, картинно сокращенное отдалением, — и светлая полоса узкого Донца, и густая синева воздуха над сплошными луговыми лесами за ним...

II

Донец под Святыми Горами быстр и узок. Правый берег его возвышается почти отвес-

ной стеной и тоже щетинится лесной чащей. Под ним-то и стоит белокаменная обитель с величавым, грубо раскрашенным собором посреди двора. Выше, на полугоре, белея в зелени леса, висят два меловых конуса, два серых утеса, за которыми уютится старинная церковка. А еще выше, уже на самом перевале, рисуется в небе другая.

С юга надвигалась туча, но весенний вечер был еще ясен и тепел. Солнце медленно уходило за горы; широкая тень стлалась по Донцу от них. По каменному двору обители, мимо собора, я пошел к крытым галереям, что ведут в гору. В этот час пусто было в их бесконечных переходах. И чем выше подымался я, тем все более веяло на меня суровой монастырской жизнью — от этих картинок, изображающих скиты и кельи отшельников с гробами вместо ночных лож, от этих печатных поучений, развешанных на стенах, даже от каждой стертой и ветхой ступеньки. В полусумраке этих переходов чудились тени отошедших от мира сего иноков, строгих и молчаливых схимников...

Меня тянуло туда, к меловым серым кону-

сам, к месту той пещеры, где в трудах и молитве, простой и возвышенный духом, проводил свои дни первый человек этих гор, та великая душа, которая любила горный хребет над Малым Танаисом. Дико и глухо было тогда в первобытных лесах, куда пришел святой человек. Лес бесконечно синел под ним. Лес глушил берега, и только река, одинокая и свободная, плескала и плескала своими холодными волнами под его навесом. И какая тишина царила кругом! Резкий крик птицы, треск сучьев под ногами дикой козы, хриплый хохот кукушки и сумеречное уханье филина — все гулко отдавалось в лесах. Ночью величавый мрак простирался над ними. По шороху и плеску воды угадывал инок, что вплавь переходят Донец люди. Молчаливо, как рать дьяволов, перебирались они через реку, шуршали по кустам и исчезали во мраке. Жутко тогда было в горной норе одинокому человеку, но до рассвета мерцала его свечка и до рассвета звучали его молитвы. А утром, изнуренный ночными ужасами и бдением, но с светлым лицом, выходил он на божий день, на дневную работу, и опять кротко

и тихо было в его сердце...

Глубоко внизу подо мною все тонуло в теплых сумерках, мелькали огни. Там уже началась сдержанно радостная тревога приготовлений к светлой заутрене. А здесь, за меловыми утесами, было тихо и еще брезжил свет зари. Птицы, живущие в трещинах скал и под карнизами церковки, реяли вокруг, визжа, как старый флюгер, и всплывали снизу и неслышно падали вниз, в сумрак, на своих мягких крыльях. Туча с юга заволокла все небо, вея теплотой дождя, весенней душистой грозы, и уже содрогалась от вспышек молний. Сосны горного обрыва сливались в темную опушку и чернели, как горб спящего зверя...

Я успел сходить и на вершину горы, в верхнюю церковку, нарушил шагами ее гробовую тишину. Монах, как привидение, стоял за ящиком с свечами. Два-три огонька чуть потрескивали... Поставил и я свою свечу за того, кто, слабый и преклонный летами, падал ниц в этом маленьком храме в те давние грозные ночи, когда костры осады пылали под стенами обители...

Утро было праздничное, жаркое; радостно, наперебой трезвонили над Донцом, над зелеными горами колокола, уносились туда, где в ясном воздухе стремилась к небу белая церковка на горном перевале. Говор гулом стоял над рекой, а на баркасе прибывало по ней в монастырь все больше и больше народу, все гуще пестрели праздничные малороссийские наряды. Я нанял лодку, и молоденькая хохлушка легко и быстро погнала ее против течения по прозрачной воде Донца, в тени береговой зелени. И девичье личико, и солнце, и тени, и быстрая речка — все было так прелестно в это милое утро...

Я побывал в скиту — там было тихо, и бледная зелень березок слабо шепталась, как на кладбище, — и стал взбираться в гору.

Взбираться было трудно. Нога глубоко тонула во мху, буреломе и мягкой прелой листве, гадюки то и дело быстро и упруго выскальзывали из-под ног. Зной, полный тяжелого смолистого аромата, неподвижно стоял под навесами сосен. Зато какая даль открылась подо мною, как хороша была с этой высоты

долина, темный бархат ее лесов, как сверкали разливы Донца в солнечном блеске, какую горячею жизнью юга дышало все кругом! То-то, должно быть, дико-радостно билось сердце какого-нибудь воина полков Игоревых, когда, выскочив на хрипящем коне на эту высь, повисал он над обрывом, среди могучей чащи сосен, убегающих вниз!

А в сумерках я уже опять шагал в степи. Ветер ласково веял мне в лицо с молчаливых курганов. И, отдыхая на них, один-одинешенек среди ровных бесконечных полей, я опять думал о старине, о людях, почивающих в степных могилах под смутный шелест седого ковыля...

1895

Комментарии

Первая публикация не установлена. Под названием «На Донце» вошел в сборник «*На край света*» и др. Печатается по тексту газеты «Последние новости», Париж, 1930, № 3279, 15 марта, где рассказ был напечатан с исправлениями и сокращениями под новым названием «Святые Горы».

В газете рассказ был датирован 1894 г., в сборнике «Перевал» и *Полном собрании сочинений* — 1895-м г. Последняя дата более точна, так как Святогорский монастырь Бунин посетил весной 1895 г. («*Жизнь Бунина*», с. 94).

Бунин предполагал напечатать рассказ в журнале «Новое слово». Однако один из редакторов журнала, А. Скабичевский, отверг рассказ. «К величайшему сожалению, — писал он Бунину 29 мая 1896 г., — не можем поместить Ваш рассказ „На Донце“: очень уж много в нем описаний и мистики, и, кроме этого, ничего. Простите великодушно нас, грешных, и не сетуйте, а присылайте поскорее нечто вроде Вашей прекрасной „Тарантеллы“...» (ЦГАЛИ). Почти через полгода Бу-

нин, озабоченный в это время тем, что журналы не принимали его рассказ «На даче», писал А. М. Федорову 10 октября 1896 г.: «...в „Вестник Европы“... не следовало отдавать „На Донце“» (сб. «Весна пришла». Смоленск, 1959, с. 232). В «Вестнике Европы» рассказ тоже не появился.

В истории создания рассказа известную роль сыграло увлечение писателя «Словом о полку Игореве». Бунин еще в 18 лет оценил «несказанную красоту» этого произведения и решил побывать в тех местах, где происходило его действие. Не случайно, что и эпиграфом к рассказу были взяты строки из «Слова о полку Игореве»: «О Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на вльнях, стлавшу ему зелену траву на своих сребреных брезах, одевавшу его теплыми мъглами!»

В. Н. Муромцева-Бунина писала: «В рассказе „На Донце“ изображен Святогорский монастырь. Интересно сравнить его с „Перекасти-поле“ Чехова, где тот же монастырь: у Чехова больше людей, а у Бунина — природа и история» («Жизнь Бунина», с. 91).

В дореволюционных переизданиях Бунин

почти не правил рассказ. В 1920 г. он значительно переработал его, сократил текст, снял эпиграф, целиком снял вторую главу, в следующей главе после слов: «спящего зверя» снята сцена:

«— О, господи, господи! — прошептал в это время кто-то сзади меня и глубоко вздохнул.

Почти испуганный, я обернулся и увидел большую темную фигуру. Широкоплечий старик в монашеской скуфье, но одетый по-мирскому — в толстой куртке и в высоких сапогах, — стоял за мною и пристально глядел вдаль. Лицо у него было широкое, с крупными чертами, а брови сурово сдвинуты. В глазах, маленьких и зорких, светилась глубокая, затаенная грусть.

— И сколько тут, милый, народу померло, — продолжал он, не глядя на меня, — не сосчитать никому!

— Где? — спросил я

— Да тут-то, на этом месте. Был я сейчас и на кладбище монастырском, — жутко там, а хорошо! Мертвые, милый, видно, правда, лучше живых...

Он помолчал, не обратив внимания на мой

удивленный взгляд и продолжал медленно:

— Я, милый, издалека, астраханский... Там у меня сын живет в подвальных, пятнадцать рублей на всем готовом получает, дочь в горничных у станции начальника... Жена-то померла уж годов десять тому назад... А я все хожу. Где-где я не был! Все нету мне покоя! Службы я церковной не люблю, а вот тянет меня в эту тоску... Не люблю и народа, на народе мне хуже... Голоса эти...

— Какие голоса? — тихо выговорил я.

— Уж не знаю, милый... Бесы превращенные, должно... Все, что ни есть в мыслях, все наговаривают...

— Да ты бы полечился.

— Лечился я. Только нету с того толку. Видно, родился я такой. Да и пил я. Дюже пил, как жена померла. И все, бывало, на кладбище ходил, на еврейское.

— Отчего ж на еврейское?

— Унылей там!

Он опять помолчал, вздохнул и сказал твердо:

— Да, в этом вся причина. Камни стоят старые-старые; и написано непонятно на них,

как узоры какие... И одни только камни серые... Ни решеток этих, ни кустиков... Ну, и лучше мне... Вот и здесь лучше... Бог-то, господь Саваоф, он, батюшка, — вон где!

И он таинственно указал в полутемную галерею.

«Он совсем болен», — подумал я. И, как бы угадав мою мысль, старик улыбнулся и сказал:

— Так-то все мне говорят: что, мол, ты бредишь? А разве не правда? Какая моя жисть теперь? А все лучше других... Все лучше, ежели раздумье есть... А то как живут? Обуваются да разуваются...

Он так и остался там, все смотря в одну точку, в темную даль перед собой» (*Полное собрание сочинений*, т. 2, с. 102—101).